«се, творю все новое.»
(Отк. 21:5)

«Созрела новая порода, –
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет – миру напоказ!»
А. Блок

НОВОЕ ИМЯ

Генриетта Хомякова

МОЙ САД - МОЙ ДОМ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: "Их нет ",
Но с благодарностию: "Были!"
В.А. Жуковский

Как-то навестил меня Витя Подшивалов. За чаем я поинтересовалась шарьинскими новостями. "Снесли наш детский сад", - коротко ответствовал он. - "Шутишь." - "Да какие тут шутки. Совсем снесли, пустое место там". Новость была оглушительной...

33-й детсад посещала я и трое моих двоюродных братьев. Витя был младшим. Нас разделяли восемнадцать лет. Значит, и для него, родившегося эпохой позже, детсад был вторым домом. И вот здания нет. Вечером на меня нахлынули воспоминания.

Прекрасно помню день поступления туда, хотя мне было всего два с половиной года. Стояло лето сорок второго, хлестала война, но в столь юном возрасте, тем более - в тыловой Шарье она не чувствовалась. Был солнечный, яркий день. Тётя несла меня на руках, что-то обещая, но по мере того, как удлинялся путь в неизвестное, нарастало чувство тревоги. В чужом большом доме я заорала так, что заболело в ушах, затопала ногами, тётя покраснела от стыда. И вдруг кошмар кончился. Чьи-то тёплые и сильные руки забрали меня и куда-то понесли, обнимая и нашёптывая что-то ласковое, манящее; я очутилась в царстве игрушек, затихла и, облизывая свои солёные щёки, увлеклась зрелищем. С того дня детсад стал моим вторым домом на долгие детские пять лет.

В дальнейшем, если случались проделки, самой страшной угрозой было: "Сегодня в сад не пойдёшь!" И тогда, и сейчас я считаю это главной наградой коллективу детсада номер тридцать три.

В память впечаталась не только обстановка сада, расположение комнат, игровые уголки и спальни, коридоры с рядами шкафчиков, где цветные рисунки обозначали принадлежность определённому лицу, но даже запахи, которые я ощущаю так же отчётливо, как и шестьдесят лет назад: это смесь ароматов кухни, хлорки (хлорированной водой мыли не только помещения, но и игрушки), медицинских препаратов для полагающихся нам уколов и прививок. И над всем главенствовал запах ***еды***.

После утренней физкультуры под дробь бубна мы устремлялись в группу, где были уже накрыты столы, а от тарелок шёл пар. Аппетит у всех был преотменный. Дома ведь почти не завтракали: родители убегали на работу, боясь опоздать, и мы наваливались на еду, подчиняясь властному зову растущих организмов. Толстых, перекормленных детей в те времена вообще не было и быть не могло. Не могло быть и капризов типа "я этого не хочу". Вся еда молниеносно сметалась с тарелок. Просьба "а добавки нет?" не всегда удовлетворялась. Нынешнего ребёнка тошнит при виде пенок в молоке, а у нас это считалось сказочным лакомством. Чай подавался в железных кружках. Разбить их было невозможно, только губы обжигал горячий чай. Мы старательно раздували щёки, чтобы остудить кипяток; впоследствии привычка пить чай горячим осталась на всю жизнь. Горячий чай с куском белого хлеба, на котором сверкали двадцать граммов сливочного масла, и горка песка - это был апофеоз завтрака, состоявшего из каши. Нужно было мастерски распределить всё по куску (разумеется, пальцем, не ждать же в очередь нож!) - и притом оперативно, ибо в любой момент рядом, откуда ни возьмись, мог оказаться какой-нибудь озорник, способный подтолкнуть под локоть: при этом песок ссыпался, а что же хорошего в несладком чае? Особо искушённые ухитрялись, схватив кусок, быстро собрать сахар в щепоть, размазать масло и сверху посыпать сливочную поверхность - вот тебе и пирожное, и на всю операцию уходило несколько мгновений. Сладкого нам не хватало систематически. Всегда его хотелось. В те годы ни в одном доме сладкое не лежало открыто: у нас, например, если по карточкам давали 400 грамм "подушечек", то их немедленно прятали "за божницу", то есть на полочку за иконами - повыше, чтобы ребёнок не дотянулся.

Главным шедевром детсадовской кулинарии был манный пудинг с киселём. Спустя сорок лет другой детсадовец сороковых годов, впоследствии ставший кинорежиссёром, сказал: "Если бы мне сейчас сказали, что нужно пройти лесом пять километров, и там мне выдадут пудинг с клюквенным киселём, я бы тут же и пошёл."

Однажды в нашу группу поступил мальчик, переведённый из детского сада в Козлово, что по дороге на старое кладбище. Перемена обстановки его смутила: в предыдущем детсаду гнездились вместе все возрасты, а тут довольно большое здание - не меньше сотни ребят, шумно, весело, его никто не замечал. Мальчик, по-современному выражаясь, комплексовал. И вдруг ему представилась возможность утвердить свой авторитет всего лишь одной фразой. Получив за завтраком кружку, в которую чай был налит не до краёв, он солидно произнёс: "А в козловском садике чай стогом наливали!"

Помню, какое ошеломляющее впечатление произвела его веская реплика. Сделалось тихо. Воспитательница немедленно исправила ошибку, а мы получили не только урок самостоятельности суждений, но и узнали правило физики, которое потом в школе формулировалось как явление поверхностного натяжения жидкости. С той поры у нас добавилось новое развлечение - рассматривать кружку чая, наполненную доверху, на фоне окна.

Дочери я потом часто говорила: "Ну, что ты мне чаю-то налила, как в козловском садике?" Она охотно потешала этой байкой своих многочисленных сослуживцев, телевизионных и кинематографических, и в любой компании "козловский садик" имел успех. Жаль, что теоретик из шарьинского угла - если, конечно, он ещё жив - и не представляет себе, сколь велика его слава.

Вообще в нашем тридцать третьем садике во всём соблюдался принцип социальной доктрины, сформулированный ещё французскими просветителями -"Равноправие для всех!" Игрушек, например, нам хватало, но всегда ведь есть какие-то особо любимые, за которыми идёт охота. Так вот, и в этом воспитатели жёстко пресекали всяческий эгоизм и устанавливали очерёдность пользования игрушками повышенного спроса.

Надо заметить, что эта же правовая норма распространялась и на личные вещи. У меня был игрушечный грузовичок, неизвестно как оказавшийся в девчоночьем "арсенале". На нём возила песок практически вся окрестная детвора - по очереди. В 1946 году мне подарена была первая в жизни несамодельная кукла (мать её выменяла на недельную норму хлеба - целое состояние по тем временам!) У куклы были закрывающиеся глаза, платьице, туфельки - всё, что полагалось. И ею тоже поочерёдно играли девочки с Транспортной, Тяговой, Осипенко - пока однажды кукла не пропала: забыли, кому её дали.

Среди зимы, уже будучи в средней группе, по какой-то причине я опоздала и вошла в комнату после завтрака. Я сразу заметила нечто необычное. Окружённый стайкой ребят, стоял Новенький. На нём были штанцы из чёрного бархата, застёгнутые на пуговки под коленками, и такая же чёрная бархатная курточка поверх белой рубашки. И всё великолепие венчал бант под подбородком. Звали принца Алик Баталов. "Вакуированный" - услышала я, как в тумане. Голова закружилась от зрелища незнакомой, совершенной красоты. Алик был хорошо воспитан, держался просто, естественно, перед мальчишками не заискивал, отчего те сразу признали его своим. Девочки же разом сникли. Начались неслыханные любовные муки.

В ту холодную зиму мне связали костюмчик из шерсти с цветным узором: кофточку и шаровары. Но девочки в те годы не носили брюк, и я забраковала весь комплект - кстати, он вдобавок ко всему был ещё и колючий. Сколько меня ни уговаривали поступиться принципами, я не поддалась: боялась суда ребят. Но появление Алика заставило переменить решение. Известно, что любовь вселяет храбрость.

Домашние обрадовались, не вникая в детали, напялили ещё и красный бант. Как и следовало ожидать, мой "прикид" вызвал град насмешек. Багровая от стыда, я отбивалась до последнего патрона. "Дразнёныша выродишь!" - бросила я, как гранату, страшную детсадовскую угрозу-предупреждение особо ретивому хулителю. На всё это Алик не обратил ни малейшего внимания. Одинокая и несчастная, я отошла к окну и стала ковырять пальцем изморозь. Назавтра костюм был окончательно упразднён.

Но честь Шарьи с блеском защитила моя подруга Ирочка Колышкина. На ближайшем утреннике она появилась в платье из чёрной кисеи с фестончиками и рюшами на тёмно-красном атласном чехле! "Ты помнишь Ирочкино платье?" -спросила я как-то у Нины - другой питомицы нашего детсада. Седая "девочка" тут же отозвалась: "Конечно, помню!" Да и как можно забыть то платье?! Из остатков дореволюционного былого, из бабушкиных сундуков, из тряпиц, продаваемых беженцами на рынке, наши мамы и в суровую военную пору ухитрялись творить чудеса для своих дочек. Двадцатилетние прилежные ученицы всех веяний времени, они и имена для нас выбирали вычурные, нездешние - непоколебимо веря в лучезарное будущее и завидную долю детей. В захудалой шарьинской действительности наивным способом пытались они приблизить это самое светлое грядущее. Поэтому, вопреки православной традиции и здравому смыслу, на улицах нашего детства подрастали Лиры и Норы, Эллы и Эры, Леокадии и Нелли, Генриетты и Виолетты, Эммы и Изольды - не говоря уже о Сталинах и Ноябринах. Не счесть было Рудольфов и Робертов, Эриков, Эдиков и Альбертов, имелся даже Оскар. Даже исконно русские имена дома звучали иначе: Алексеев звали Леками, Игорь дома был Гора или Гарик, а Иван - Ханс, Талькой звали Виталия, Момкой - Матвея...

Алик Баталов исчез так же внезапно, как и появился. В феврале 1944 года была снята блокада Ленинграда, и эвакуированные уехали. Чувство опустошённости от безответной любви улеглось, заслонилось другими событиями, в детстве - важными.

Весна приносила с собой оживление и особый настрой. Мы гуляли дольше, чем зимой. На окна нянечки выставляли бутылки с водой, увенчанные сверху луковицами, и мы наблюдали, как удлиняются, постепенно доходя до дна, белые длинные корни. С первым теплом их и цветочную рассаду пересаживали в грунт.

Территория детсада была строго поделена между группами, за границу которых выходить запрещалось. На клумбы высаживалось множество маргариток, бархатцев, львиного зева, синих "тапочек" и ирисов. У калитки со стороны Ульяновской улицы были заросли золотых шаров. По периметру территория детсада была обсажена ёлочками, липами и берёзами. Чтобы мальчишки не раскачивали саженцы, их привязывали к колышкам. Сколько я помню себя, ёлочки не вырастали выше нас, потому что все молодые побеги мы объедали дочиста. В результате нашего варварства ёлочки росли вширь, надолго оставаясь пухлявыми "ёжиками". Как только подсыхали дороги, нас выводили в лес и в поле, где мы тоже подъедали всё, что встречалось на пути - кислицу, щавель, дикий лук, редкую черемшу, завязи земляники, какие-то "пестики", "часики", а также листья молодых лип - словом, всё, кроме "волчьих ягод". Это был наш минимальный набор витаминов. Возможно, поэтому мы редко болели, да и зубы у нас правильно росли и долго сохранялись здоровыми. В комнатах время от времени подбеливали печи, так как дети снимали пластами меловую поверхность и съедали её: организм ощущал недостаток кальция.

Разумеется, в нашем детстве были и ветрянка, и свинка, и корь, и скарлатина (правда, очень редко), но об эпидемиях и повальных отравлениях, как сейчас, слыхом не слыхивали. В суровые сталинские времена работали ответственно. Еженедельная проверка на вшивость проходила прямо в кабинете заведующей Зои Павловны. Вши, надо заметить, заводились не от грязи, ибо в Шарье эпидемиологическое благополучие исторически было на высоте, а от недостатка белка. Но с ними боролись, как с врагом.

Постепенно к прежним удовольствиям добавлялись новые. Старшую группу воспитатели брали в пекарню - за хлебом. Старая пекарня располагалась у переезда, где ныне мостопровод. Её давно нет. Идти до неё - неблизкий путь, через всю Красноармейскую, Советскую, одно это уже предполагало нечто вроде путешествия в неизведанное. При приближении к ней ощущался запах, волшебнее которого в ту пору не знали: запах свежевыпеченного хлеба - настоящего, живого, без нынешних добавок. К тому моменту, когда подходила очередь получать свою партию, нас уже слегка мутило от этого сказочного аромата. Взрослые набивали буханками мешки, а нам давали по две буханки в руки. И мы несли эти буханки на вытянутых руках - бережно, как младенцев, вдыхая волшебный запах, поглаживая бугристую поверхность, слегка смазанную - нет, не маслом, наверное, а солидолом. Руки быстро уставали, и мы перекладывали свою ношу под мышки, но это тоже было в радость. Кто мог знать, что и всё дальнейшее наше детство пройдёт в очередях именно за хлебом?

Поход на пекарню был выгоден во всех отношениях. Во-первых, участникам похода за обедом и полдником полагалась ***горбушка***. А что значит - горбушка? Горбушка вкуснее других частей буханки. Кроме того, она значительно больше. Ведь корку тонко не обрежешь, да и кто её после этого возьмёт? Во-вторых, горбушку можно съесть всю сразу, а можно - частями, только надо надёжно припрятать её в кармане или в рукаве, а потом вынести на улицу и там уже съесть. С выносом хлеба воспитатели боролись так же по-сталински ответственно, как и с вшивостью: они стояли в дверях, как часовые. Бог знает, какими руками будет съеден тот кусок - руками с твёрдой, как панцирь черепахи, коркой мальчишеских цыпок, которыми хватается всё: лягушки, черви, пиявки, головастики, дохлые птицы, грязные камни и гвозди на дороге... Но как вкусен хлеб на воздухе! А если его, наконец, просто разжевать до кашеобразного состояния и какое-то время ходить в молчании с таинственным видом, наслаждаясь вкусом и тайной... впрочем, могли и выдать. Детское доносительство было и у нас (до сих пор помню угрозу: не "я вот скажу", а "будет сказано!" - особая детсадовская глагольная форма), но доносчик навечно получал кличку "сексот". И, наконец, хлеб можно было обменять по всем законам ребячьего торга - на фантик, на цветное стёклышко, на красивую пуговку.

Если по какой-либо причине все группы оставались на территории детсада, где практически всё было известно, у мальчишек начинала работать изобретательская мысль.